

0-52845-
А.Б.ПРАСОЛОВ

КАК ТУРОВСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ БОРОЛИСЬ С САМОДЕРЖАВИЕМ

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН

2-396
ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА "КАТОРГА и ССЫЛКА"
Ж У Р Н А Л А

1928 г.

№ 51—52

А. Н. ПРАСОЛОВ

КАК
ТУРОВСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ
БОРОЛИСЬ С
САМОДЕРЖАВИЕМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1928

Как туровские крестьяне боролись с самодержавием.

Прежде чем говорить о революционной деятельности граждан с. Турова, сообщу кое-что из дореволюционной истории, жизни, быта и тех условий, которые создали атмосферу революционности. Начну с того момента, когда я окончил сельскую школу, т.-е. с 1888 года, ибо жизнь граждан с. Турова мне особенно памятна, именно с этого времени.

Село Турово, Нижнедевицкого уезда, Воронежской губ., расположено в 3 верстах от ст. Курбатово, Киево-Воронежской ж. д.; оно тянется от станции на юг на 15 верст и с 14.000 жителей это одно село составляло прежде волость. Жители именовались государственными крестьянами, были хлеборобами, но в виду малоземелья весной многие уходили на заработки по сельскому хозяйству на Кавказ, а часть — в крупные города, где служили ломовыми извозчиками, дворниками, на паровых мельницах и пр.; как видно по выдаваемым паспортам, уходило на заработок около 3.000 человек. Резких границ в социальном положении не замечалось.

Должности старшины, сельского старосты и сборщика податей занимали те, которые больше подпаивали в открытую и втихомолку — ми-

роедов, кучка которых и руководила выборами. Мироеды гордились своим положением. За ними были громадные недочеты, но последние прощались на сходах, а большинство аннулировалось даже без общественного ведома. Взятки брались открыто. До введения стражников, в селе было 36 полицейских десятских, 6 сотских, 3 помощника старосты и мн. др. Вся эта свора питалась исключительно взятками. Особенно благодатным периодом для них было время сбора податей: сбор этот продолжался с момента окончания полевых работ и до начала их. В это время на нашем селе было около 100.000 рублей недоимок. Взыскивались подати и недоимки следующим образом. По расписанию, каждого домохозяина или члена семьи водили два раза в неделю в волость. Чтобы избавиться от этой ходьбы, сотским и десятским давались взятки и деньгами и всевозможной «натурой». Однако, в результате все же приводили в волость и, если денег не оказывалось, там подвергали всевозможным истязаниям. Наиболее принятым из них было водить около волости босыми по снегу; когда разувались, лапти и онучи смешивали в одну кучу и выбрасывали наружу; сажали в темную каталажку; били палками, курительной трубкой, драли за виски, отрывали до мяса уши. Моему отцу старшина трубкой пробил щеку и он оглох недели на две. Одним словом, наказывали чем только было можно и что попадалось под руку. Все это делалось по распоряжению станowego пристава Дамашева; фамилия эта у многих осталась в памяти; он собственноручно бил даже старшин, старост и прочих должностных лиц в случае неисполнения его распоряжений. Я лично был частым посетителем этих ужасных зрелищ ибо школа, в которую я ходил, была в 4 саженьях от волости, и мы, школьники, во время перемен

бегали глядеть на это, да и в окна было видно, как водили босых по снегу. Некоторые мужики прятались. Каждый малый ребенок знал десятника и, завидя его идущим по улице, опрометью бежал в избу и дрожащим от страха голосом кричал: «Батя, десятник идя!» «Батя», захватывая какую-нибудь одежду, а иногда совсем раздетый, убежал куда-нибудь. Видя, что многие домохозяева укрываются, стали тащить в волость кого попало. Таким образом, 15 лет, попался и я. При воспоминании об этом у меня сейчас проходит дрожь по телу.

Продажа крестьянского имущества с аукциона за подати обыкновенно начиналась после рождества. Село разбивалось на участки, и с трех сторон начинали ходить по дворам. В это время вся сельская власть поднималась на ноги, оцепляла всю улицу, дабы никто не мог ничего ни угнать, ни увезти, ни спрятать. Несмотря на такую охрану, некоторые крестьяне все же прорывались с коровами, телятами, поросятами и мешками за околицу села, в поле. Но там представлялась такая картина: с ревом гонят каждую «животину» человека три; она мечется из стороны в сторону, иногда вырывается и убегает во двор; хозяин от своей «животины» отказывается, уверяет, что она принадлежит не ему, но по показаниям соседей «животина» сейчас же продается. Следом толпа баб и детей с плачем и криком упрашивает отдать им их «животину», и некоторым за взятку отдают. Бывало очень много случаев, когда загоняли коров в такие овраги, что потом собирали людей вытаскивать их оттуда. У меня сестра Мария, 16 лет, загнала корову во время распутицы в овраг и сама с нею простояла по колена в снегу, пропитанном водой, отчего и умерла. Животных находили в погребях; тут же их вытаскивали и продавали.

Продавали не только скот, но и амбары, сарай, ворота, плетни, даже — верх с избы. Иногда крестьяне оказывали сопротивление, накидываясь с вилами, с цепями, кольями и камнями — по преимуществу на покупателей. Покупателями были свои же односельчане-кулаки и приезжие из других сел. Все продавалось за бесценок: вещь, стоившая примерно 20 р., продавалась рублем за семь. Потерпевший хозяин после продажи закладывал все свои потроха и выкупал ту же вещь за 15 р., да еще благодарил кулака, что он не взял настоящей цены, т.-е. 20 рублей; а кто не мог скоро выкупить, тот должен был уплачивать настоящую цену или скоро расстаться с коровой, которая была продана за 7 рублей; таких было больше. Страшная картина представлялась во дворе, где шла распродажа: крестьянин-хозяин с женой в стужу выносят детей (иногда — душ пять) нагих и босых во двор, чтобы вызвать жалость у начальства и покупателей; сам он без шапки стоит на коленях, жена, причитая, голосит и насильно ставит детишек на колени; дети тоже надрываются от плача, непонимающие — от холода, а смыслящие — упрасывая не брать у них единственную кормилицу-коровку. И так продолжалось из года в год; годовая подать становилась недоимками, и они все увеличивались и увеличивались.

Сельское хозяйство велось кое-как. Больше всего сеяли рожь, овес, просо; ценными культурами не занимались. Беднота сдавала землю в аренду; некоторые это делали для того только, чтобы подать платил арендатор; да и другого выхода не было, ибо в противном случае не выдавали паспорта, необходимого для отхожего промысла. Паспорта выдавались старшиной по удостоверению старосты, который в удостоверении писал, что «уплата подати обеспечена».

К Туровскому земельному участку с северной стороны прилегали земли помещиков. У этих помещиков крестьяне служили в батраках по 40 р. в год; обрабатывали у них землю от десятины: скосить и связать за 2 р. 50 коп.; возили навоз на пашню по 3 коп. за воз. На все эти работы еще в декабре заключались договоры, где упоминалось, что нанятый должен приступить к работе по первому зову, и тут же выдавалось 10 процентов задатка. Вот этот-то задаток и притягивал крестьян, и они шли к помещику, обивали у него пороги и, понятно, только счастливицы получали работу.

Религиозная проповедь была в то время в самом разгаре. В Турове было три попа, два дякона, два дьячка. Воскресные и праздничные дни проводились в молении и религиозных беседах. Школьные библиотечки были набиты религиозными книгами, и внешний вид последних — в красивых, кожаных переплетах с золотым тиснением — предрасполагал к чтению. Только одна светлая точка была в Турове; хотя и она находилась под спудом, но в непроницаемой темноте того времени она была весьма заметна. Эта точка — не школа, одна на все село, а учитель Иван Данилович Долгополов, который оставил о себе живую память. Его имя в Турове помнят даже деды, которых он обучал. Это был человек с железной энергией, горячо преданный своему делу. Особенно рельефно предстал он перед глазами всего населения, когда за обучение взялось духовенство со своими церковными школами. У И. Д. была помощница Елена Гавриловна Прохорова, которая в одной школе пробыла с 1887 до 1917 г. Этим двум труженикам приходилось учить дедов, сыновей и внуков.

Иван Данилович, как сейчас помню, к существовавшему тогда порядку относился брезгливо. Часто он произносил в пренебрежительном смысле фразы: «как становой пристав», «как городской», «как поп на поминках» и т. п. Однажды, объясняя нам басню Крылова «Спор домашних животных» («У одного крестьянина служа, собака с лошастью считается как-то стали...»), он назвал становых и урядников собаками, добавив, что если бы не было мужиков, то и охранять нечего было бы. Все активные участники революции 1905 года были его учениками.

Так протекала жизнь крестьян с. Турова до 1902 г. В этом году они услышали от своих же крестьян, работавших в городах, об избиении полицией учащихся. В этом же году стала проникать литература тенденциозного характера.

В Турове в то время существовала чайная, организованная земством: заведующим ее состоял Дмитрий Леонтьевич Лопатин. При чайной имела библиотека, и выписывались правительственные газеты; здесь сам по себе организовался кружок любителей чтения, который в свою очередь начал выписывать на собственные средства более либеральные издания. Во главе этого кружка работали Д. Л. Лопатин, Яков Григорьевич и Василий Семенович Колтаковы; последний служил в Ростове-на-Дону простым рабочим; во время своих частых посещений Турова он давал руководящие указания, привозил литературу и вообще знакомил с жизнью и революционной борьбой городских рабочих.

В этой чайной уже читались, кроме правительственных изданий, выписываемых земством, «Русское слово», «Воронежское слово», «Правда бо- жия», изд. свящ. Петровым, «Донская Речь» и газета «Копейка»; с особенной жадностью чита-

лись произведения Толстого, Короленко, Горького, Рубакина, Серафимовича, Тимаковского, Дмитриева, Гусева-Оренбургского, св. Петрова и мн. других, которые так или иначе открывали глаза на существовавший строй и расшатывали религию.

Проникала также и нелегальная литература, которая при удобном случае читалась даже открыто. Некоторые крестьяне, не зная, что это преследуется, собирают кучку людей прямо на улице и читают, тут же обсуждая прочитанное. Вообще, кто доставал «интересную книжку», приносил ее в чайную, а оттуда она путешествовала по селу. Среди некоторой части молодежи слова «революционер», «забастовщик» произносились с гордостью. Читая литературу тенденциозного характера, понимали, что в ней изложена только малая толика, а о большей части того, что делается в России, писать нельзя. Особое внимание вызывала антирелигиозная брошюра; по этому вопросу высказывалось много оппонентов, и споры доходили подчас до «площадной брани»... Небезынтересно отметить темы религиозного спора крестьян. Одна сторона говорила, что все духовенство, начиная с архиерея и до последнего дьяка, само не верит в то, что существует ад с вечным мученьем и рай с вечным счастьем, перед которыми кратковременная жизнь человеческая ничтожна; ибо, если бы они верили, то отдали бы другим все, — одежду, обувь, пищу, — чтобы скорей умереть и обрести вечное счастье; а они, наоборот, на деле других убеждают отдавать все, вводя в обман, и сами же живут противно своей проповеди.

Нашлось и много толкователей священного писания. Христа называли революционером, анархистом-коммунистом, ибо, по евангелию, он призывал к себе «трудящихся и обремененных»;

поэтому в последнее время при обысках евангелия отбирались.

Шестие 9 января 1905 г. рабочих к царю с петицией, во главе с попом Гапоном, сперва одобрялось крестьянами. Они полагали причину всех бед и зол в наличии министров, губернаторов и земских начальников, которые якобы стояли непроницаемой стеной между царем и народом, не допуская к нему вестей о нуждах народа; именно они держат землю в своих руках, а царю-то земля не нужна, он бы рад отдать ее крестьянам, да боится как бы и его не убили, как Александра II, за то, что он освободил крестьян от помещиков... Убийство министра Сипягина, Плеве и др. воспринималось как разрушение этой стены.

Вскоре после этого события пошли, однако, по селу слухи, что царь сам приказал стрелять, и что расстреляны были не только народ, но и иконы. Через некоторое время появились в селе иллюстрированные листовки, описывавшие весь ужас этого события. Мужики собирались тайно по избам и читали их с большим вниманием. Все находились в ожидании новых событий, прислушивались ко всем новостям. Более сознательные ожидали политических выступлений, а темный народ — последующих «знамений, перед кончиной мира». Газеты приносили сообщения о забастовках учащихся и аграрных «беспорядках». Вера в царя у передового крестьянства исчезала.

Прокламации в селе стали появляться все чаще и чаще. Принесли много нового пришедшие с Японской войны солдаты. Они рассказывали, как там начальство обманывало их, уверяя, что японцев они скоро победят и со славой вернутся домой, так как у русского солдата якобы «кишки длиннее», чем у японца и поэтому он выносливее и сильнее; рассказывая об этом, начальство пре-

небрежительно называло японцев «макаками». Пленные в Японии увидели, однако, что «макаки»-то не японцы, а русские. Солдаты принесли также списки песен про Россию — «Было дело под Артуром», военный устав, «проработанный» революционерами, и многое другое.

Скажу несколько слов о том, как туровские крестьяне смотрели на Японскую войну. Первая весть о войне с Японией была принята ими довольно спокойно: они говорили: «с Японией-то давай воевать, это не англичане или французы, с этими моментально покончим, — только доехать»... Даже тогда, когда военные действия развивались и начались наши неудачи, многие крестьяне были уверены, что такова военная тактика, и что все-таки наши должны победить. Темные массы молились с попами о победе, а передовое крестьянство симпатизировало японцам.

Всеобщая забастовка в 1905 г. произвела на разные слои туровских крестьян различное впечатление. Некоторые говорили, что это — месть за расстрел рабочих 9 января; другие не одобряли такой тактики из тех соображений, что крестьяне, которые не были виновны в этом, остались без керосина и соли; раздавались даже возгласы на сходах, чтобы идти в Воронеж и бить «забастовщиков», а большинство молчаливо выжидало дальнейших «знамений кончины мира». Самое слово «забастовка» произносилось и с одобрительным, и с ругательным оттенком. Подчас в беседах можно было услышать: «все это проделки жидов». Но, понятно, забастовка была стержнем всех разговоров, благодаря существовавшему кружку, который к тому времени увеличился механически. Работа кружка была интенсивна, и он сыграл в этой области громадную роль.

Вдруг — свобода, манифест 17 октября... Опять пошли толки. Все зашевелилось. Всякий, кто чувствовал гнет самодержавия, откровенно начал поносить то, что его давило и о чем и прежде хотел говорить, но боялся. Приезжали посторонние, учащая молодежь, интеллигенция. Говорили они хорошо, но для многих непонятно, ибо часто употребляли слова «конституция», «демократизация» и пр. Эти слова путали в голове крестьянина все речи ораторов. Многие крестьяне, впервые услышавшие эти литературные, смешанные с иностранными слова и выражения, смеялись над ними и владали в них чуждый смысл. Нужны были переводчики-толкователи; эту миссию как раз и заняли передовые крестьяне во главе с означенным выше кружком.

Хулиганских извращений свобод, какие имели место в некоторых пунктах, в Турове не замечалось. По селу стали раздаваться революционные песни, содержание которых глубоко врезалось в память, и которые вызывали у многих слезы (в особенности — похоронный марш).

Но недолго продолжался на нашей улице праздник. Пошли упорные слухи о том, что в городах всякие сходки разгоняются полицией, и лица, руководящие этими сходками, арестовываются, что манифест — подложный, царь его не подписывал, а подделали все это «жиды»... Незадолго перед тем в селе появилась всевозможная литература; но не успели ею еще как следует «начитаться», как ее стали отбирать. Все же, разумеется, большую часть литературы удалось спрятать, и она хранилась и читалась долго еще после этого. В это же время был арестован Василий Семенович Колтаков. Арест этот всполошил передовое крестьянство, так как Колтаков с 1902 г., служа в Ростове на-Дону простым рабочим на паровой

мельнице, снабжал кружок литературой, служил связью между рабочими и крестьянами и во время своих приездов в Турово сообщал все политические новости. Его уважали все, — даже среди кулацкого элемента он слыл за «хорошего человека», ибо, приезжая в гости в Турово, он был, хотя скромно, но чистенько одет, обут и не пьянствовал, как многие.

Когда были объявлены выборы в первую Государственную думу туровские крестьяне захотели и своего «мужика» туда провести и избрали пользовавшегося популярностью фельдфебеля Прокопия Семеновича Борисова. В проведении его горячее участие принимал и кружок, зная, что он хорошо выполнит наказ. В первое время существования Государственной думы Борисов, приезжая в Турово, делал доклады на сходах, вел беседы с кружком; кружок, в свою очередь, проверял его, следил за его действиями в думе.

В 1904 г. чайная была ликвидирована, и Дмитрий Леонтьевич Лопатин был устранен от заведывания. Тогда он открывает свою чайную и попрежнему выписывает газеты, частью — на свои средства, а частью — в складчину, чем привлек посетителей, несмотря на то, что тут же неподалеку от его чайной были еще три чайные. Впоследствии его чайная служила явочной квартирой для туровских и приезжих революционеров.

Небезынтересно отметить борьбу туровских крестьян с попами, в которой участвовали почти поголовно все, и которая длилась с 1904 по 1908 г. включительно, до убийства нашей организацией помещика Русакова.

Толчком к борьбе послужили, во-первых, сильные поповские поборы, а, во-вторых, у нас было в одной церкви три попа, между которыми царил разлад и борьба за старшинство. Сначала шла

борьба скрытая, в одиночку. Попы назначали громадные цены за требы, и если у крестьянина не хватало нескольких копеек, то они отказывались крестить, служить на погребении, венчании и т. п. Нередки были случаи, — принесут покойника в церковь для отпевания, но за недостаточей денег священник отказывался служить; тогда родственники оставляли гроб с покойником в церкви, а сами расходились по домам, и гроб стоял в течение суток и более, до тех пор, пока их не вызовут через урядника убрать покойника из церкви и не принудят заплатить за погребение. Случалось также, что муж и жена сходились и жили не венчанные; таковых попы срамили дома и в церкви публично.

В это время у нас в церкви строился новый иконостас, который обошелся в 8 тысяч рублей. К концу постройки духовенство предложило эту сумму разложить по душам для уплаты подрядчику. Тогда мужики потребовали на сход церковного старосту для объяснения, куда деваются доходы от церкви, которые по их мнению должны быть громадны, ибо на 14 тысяч населения была одна церковь. Как раз в это время церковным старостой был Антон Яковлевич Навичихин, который с попами не ладил. Он рассказал, что все доходы от церкви отсылаются в духовную консисторию, а оттуда расходятся на духовные учебные заведения, где учатся поповские дети, и что сундук, где хранятся доходы, имеет два замка — один замок им замыкается, а другой — попами. Тогда на сходе выбрали 24 человека, чтобы они по очереди присутствовали при церковной службе, отбирали все доходы вплоть до свечного огарка и хранили в особом сундуке, не отдавая ни попам ни в духовную консисторию. Специальным приговором установили также таксу за требы; эти выборные

должны были следить за выполнением таксы и быть посредниками между попами и крестьянами: последние, в случае необходимости какой-либо требы, должны были заявлять об этом исключительно выборным, а самим не ходить к попу на дом. Таксу земский начальник Харькевич утвердил, после чего все признали ее правильной, и уполномоченные в точности выполняли возложенные на них обязанности.

Вскоре после этого были назначены выборы церковного старосты, на каковые приехал «сам» благочинный. Выборы происходили в церкви. После торжественного молебна благочинный произнес проповедь и наставление, кого нужно выбирать и как держать себя в церкви во время выборов, закончив словами: «Повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь им, тии бо бдят о душах ваших», и сам выставил кандидатуры. Тут все разом закричали, что желают оставить старого старосту, так как новый будет заботиться не о населении, а о духовенстве, отдавать ему деньги, изыскивать за ремонт церкви и пр. Раздались и выкрики: «Довольно нашу кровь пить». Урядник Львов вытащил лист бумаги и карандаш и начал спрашивать фамилии кричавших. Поднялся страшный шум, и все ушли из церкви. Только некоторые старушки, крестьясь, причитали: «Вот оно подошло светопреставление! Уж теперь, правда, антихрист народился, это он работает в храме божьем. Подняли шум и ругаются посорма»... Староста церковный остался старый, хотя архиереем он и не был утвержден и получал не одно предписание из духовной консистории о лишении его этой должности.

Обыкновенно при каждой церкви имелась просфорня; последняя назначалась архиереем из «благочестивых» поповских вдов или засидев-

шихся в девах неспособных учиться поповских дочек. Они получали жалованье от духовной консистории, муку для просфор — от церкви, квартиру, отопление и освещение — от общества. У нас в селе проживали и уволенные за поведние просфорни; они заявили обществу о желании печь просфоры из своей муки, без жалованья, на всем своем содержании, такой же величины и качества, и по той же цене продавать их. Общество одну из них и договорило, а прежней заявило, чтобы она больше просфор не пекла и не носила в церковь. Так как выборные следили за ней, то она некоторое время носила их украдкой, до тех пор пока ее не поймали и отобрали просфоры. Тогда попы отказались служить обедню. Вслед за этим появились всевозможные миссионеры-проповедники, уговаривали возвратиться опять «в лоно» православной церкви и «не предаваться духу ласча». Несмотря на усердные проповеди, крестьяне остались при своем: «Веровали и будем верить и молиться, только не дерите с нас кожу за это». Старушки и старички, услышав, что все вклады в церковь на случай их смерти за вечное и временное поминовение куда-то отправлены, израсходованы, и будто никаких видов не осталось, забеспокоились.

Однажды в церковной караулке одна старушка обратилась к попу Прохорову, который в это время был пьян, с просьбой сообщить ей, где хранятся вложенные на помин ее души деньги. Тот и брякнул: «А черт их знает! Спрашивайте у о. Василия, он у нас старший. Вы его считаете святым, сны видите, что в раю с ним на одной кровати спите, как с мужем, да и какой дурак вас будет поминать»... Это рассказывала мне со слезами и причитаниями моя родная тетка Х. А. Зеленина. «Ведь я—говорит— всю жизнь по ночам не спала,

прила, копеечками собирала эти 40 руб., вложенные мною на помин в церковь, боялась — помру, а дочери-то израсходуют, и останусь без помина; теперь, говорят, и денег-то в церкви нет, и поминать никто не будет... Ты, Арсен, знаешь все законы и церковные порядки, скажи мне, как получить эти деньги обратно, я их лучше тебе отдам, а ты, когда я помру, закажешь сорокоуст, и когда попы по мне сорок обеден прослужат, тогда только отдай им эти 40 руб. Ведь ты подумай, как они мне трудно достались, своими щепотками каждый хлопок в дело производила, и все это по ночам, — днем-то детей куча, да домашняя работа; ну что ж, думаю, теперь временно потружусь, а там после смерти в царствии небесном и отдохну... А оно вот что получилось, сам о. Семен сказал, — какой вас дурак поминать будет!..» Мне, откровенно говоря, старушку-тетку жалко стало; сказать ей, что все это обман, значило причинить ей еще больше страданий. Я ее успокоил и советовал обратиться к тому лицу, кому она отдавала деньги, чтобы он возвратил их. И вот все старички и старушки, которые делали вклады, пустились за получкой. Попы не управлялись убеждать, что деньги получить обратно нельзя, а что поминать их будут. Были и такие крестьяне, которые называли публично попов хамами, грабителями и т. п.

Как ни старались проповедники-миссионеры, не шли туровцы в лоно православной церкви. Пришлось прибегнуть за помощью к полиции. Приехал сам нижедевицкий исправник Федоров с приставом. Он приказал собрать полный сход, на котором я тоже присутствовал (стоял вблизи исправника). В виду того, что сход не мог поместиться ни в каком помещении, он был открыт на площади перед волостью. Первое обращение исправника было такое: «Старички, вы уклонились

от православной веры!» После этих слов сход сразу заволновался, и слышались возгласы: «Как? Почему? Это попы вам наговорили!» Тут же по адресу попов стали раздаваться всевозможные неодобрительные реплики. С помощью пристава, урядника и стражников с трудом удалось восстановить порядок.

Тогда исправник изменил тон и взял на себя роль миротворца между крестьянами и попами. С этой целью он предложил установить всему причту жалованье за обязательные требы. Сход опять загудел: «Какое жалованье? Пусть от земли, луга и леса откажутся! Мы, 20 семей, кормимся на таком количестве земли, а поп один пользуется»... После долгих, но тщетных убеждений, исправник, должно быть, в надежде, что крестьяне одумаются, и дело само собой уладится, так и уехал ни с чем.

Земский начальник Харькевич, камера которого была в его собственном имении в 30 верстах от Турова, устранен был от должности; предполагали за то, что он утвердил приговор-таксу за требы попам и вообще за его либеральную деятельность. Вместо него был назначен помещик Землянского уезда, ротный командир Логвинов, камера которого была в селе Турове. Этот новый земский начальник начал водворять порядок в селе. Прежде всего, он беспощадно требовал, чтобы при встрече с ним на каком угодно расстоянии, лишь бы он виден был, снимали шапки; если какой-либо крестьянин по незнанию или другим причинам не снимал шапки, земский начальник такового останавливал и бил до тех пор, пока тот не убежал от него; когда он ехал, то все встречавшиеся крестьяне за 20 сажень сворачивали. Однажды он ехал со станции Курбатово. Навстречу ему на гору взбирался с возом мелу крестьянин Алешка Ломаный, который, завидя земского начальника, хо-

тел было свернуть, но лошадь не могла из колеи вывезти. Тогда, чтобы избежать побоев, он остановил лошаденку и начал возиться около телеги, якобы, что-то сломалось. Но земский начальник, должно быть, понял эту хитрость, велел кучеру остановить лошадей, слез и начал бить Алешку. Тогда Ломаный быстро снял подтяжки и два раза хлестнул хохольского старшину, ехавшего с земским начальником, а затем один раз и самого начальника. Удар последнему оказался столь чувствительным, что он вскочил в тарантас и закричал кучеру: «гони». Старшина в крови побежал за ним следом. Приехав в волость, начальник поднял на ноги всю волостную власть и приказал искать, по его выражению, «разбойника». Тут только он вспомнил про старшину, которого бросил на месте происшествия; но старшина не замедлил сейчас же явиться, потому что это происходило в полутора верстах от волости, среди бела дня. Алешка же свалил воз и скрылся; прибывшая власть увидела только кучу мела... Делались попытки разыскать его, но слух о происшествии моментально разнесся по селу, поэтому никто Алешки «не видал». Узнав об этом, туровцы с удовольствием говорили: «Вот это — славно угостил! Даже забыл товарища посадить, один удрал. Так ему и надо, не все ему нас бить»...

Этот земский начальник, когда судил крестьян, никогда не обходился без драки. Однажды в волости он человек 20 перебил. Начал с одного, который неловко как-то дорогу ему уступил для прохода. Во время избиения тот очень смешную рожу скорчил, и присутствовавшие рассмеялись. Тогда начальник и этих перебил за то, что смеялись. После этого он вынул из кошелька 5 руб. и дал им на чай со словами: «Я вас бью и, как отец,

жалею; идите попейте чаю». Одиннадцать человек отказались, а девять взяли деньги и пропили.

Вот в какой атмосфере жили туровские крестьяне.

20 сентября 1906 г. я приехал в село Турово, на свою родину, из Амурской области, куда меня загнала нужда искать заработок; и самый путь до Благовещенска — 8 тыс. верст — был путем нужды, ибо я отправился с 4 рублями, которые мать заняла у Анюты-шинкарихи, отнеся ей под заклад последний свой нарядишко. Я прожил на чужбине 6 лет. Теперь приехал на родину бороться с существующим строем. Нужда меня научила понимать жизнь, нужда и натолкнула на борьбу. Мно тогда было 32 года и я ощущал в себе непреодолимую энергию. Почва для борьбы была уже подготовлена. Мне почти в тот же день сообщили, что в чайной Д. Л. Лопатина читаются всякие газеты и книжки. Лопатин — мой друг детства, товарищ по школе, где мы двое выделялись по способностям и успехам; детская психология не различала того, что я происходил от родителей-бедняков, а он — от богатых. Прихожу к нему, а он уже о моем приезде в тот же день узнал и сразу, как бы по чутью, стал со мною откровенно разговаривать. Рассказал мне о всей жизни села Турова за время моего отсутствия и о том, что здесь уже имеется кружок интересующихся политическими вопросами. Сообщил мне также, что сначала был организован крестьянский союз, но не имея определенной программы, не оформился, чему помешал особенно разгон съезда «Крестьянского Союза» в Москве. Охарактеризовав мне тех, кто в этом кружке состоял, он познакомил меня с ними, хотя я их знал еще с детства.

20 октября 1906 года мы организовали «Туровское крестьянское братство партии социалистов-

революционеров» по типу уже существовавших в Воронежской губернии организаций. В него вошли — Дмитрий Леонтьевич Лопатин, Яков Григорьевич Колтаков, Сергей Сергеевич Панин, Даниил Михайлович Панин, Павел Харапонович Борисов и я — всего шесть человек. Небезынтересно отметить самый акт организации: дав клятву хранить всю эту работу в тайне, мы пожали друг другу руки и поцеловались; после этого были произнесены речи о целях и задачах братства, и когда коснулись того, что мы взяли на себя великую ответственную роль вести братьев-крестьян к светлому будущему — социализму, — многие заплакали. Мне было тогда, повторяю, 32 года, а остальные были одним-двумя годами моложе. Я, Борисов и Панины были бедняками-хлеборобами, и за неимением работы в своем хозяйстве мы ходили на заработки по селам и городам. Колтаков был крестьянин середняк, он работал дома и был хорошим знатоком всех проделок волостного и сельского начальства, кулаков и мироедов. Лопатин происходил из крестьян села Турова, был содержанием чайной, отец его был кулаком до мозга костей. Мы все окончили сельскую школу; все были женаты и имели детей.

Дальнейший прием в члены организации производился по всем правилам конспирации. Сначала давалась литература возрастающей степени тенденциозности. Затем приглашали на кружковое чтение газет и легальной литературы в чайную Лопатина. Далее, по мере изучения вербующего, посвящали его в то, что в Турове имеется противоправительственная организация, однако, не сообщали, кто в ней состоит, скрывали даже свое личное отношение к ней, ссылаясь на то, что об этом узнали от других. Таким образом, лишь

тщательно проверив новичка, принимали его, наконец, за поручительство двух старых членов.

Первая задача нашей организации состояла в том, чтобы завязать сношения с вышестоящими организациями и ячейками соседних сел. Нам стало известно, что в селе Кочетовке, находящемся от Турова в 30 верстах, имеется что-то, наподобие организации, и что какая-то учительница, переодевшись деревенской бабой, ездит туда и разбрасывает книжки и прокламации. Эта учительница была Евдокия Яковлевна Шабашева. Ее уже не один раз арестовывали, и в настоящее время она находилась на нелегальном положении. Евдокия Яковлевна была беспредельно преданной революционеркой. Благодаря ей был революционизирован Нижнедевицкий уезд. Полиция разыскивала ее, посылались целые отряды стражников и казаков для поимки ее, но обнаружить ее было трудно, так как в каждом селе она одевалась в деревенский костюм, и ее скрывали не только партийные, но и беспартийные крестьяне. Однажды ее захватил отряд стражников под командой помощника исправника в Кочетовке, в риге у Павла Антоновича Мещерякова: средь бела дня рига была оцеплена; Шабашевой удалось бежать из риги вместе с хозяином, но неподалеку они были снова задержаны. Помощник исправника Попов сам вышел встречать их, торжествовал, что наконец-то удалось поймать преступников, и расточал комплименты стражникам, которые ее задержали. Но, вот, в узком переулке между гумнами Мещеряков мгновенно перебросил ее через плетень на гумно. Там была ямка у кучи соломы, в эту ямку она и присела; а он перепрыгнул через плетень, свалил кучу соломы на нее и побежал дальше и, чтобы отвлечь внимание от этого места, закричал: «Шабашева, беги вон в тот сарай!». По-

мощник исправника, на глазах которого все это произошло, сам прибежал, ругая, на чем свет стоит, тех стражников, которым минуту тому назад выражал благодарность. Начались поиски, — всю солому пашками истыкали, а Шабашевой не нашли. Разумеется, Мещерякова подвергли пыткам и отправили в тюрьму. В этой ямке, под соломой Шабашевой пришлось просидеть около полутора суток.

С этой-то Шабашевой наша организация и завязала связь, а через нее — с другими организациями и с губернским комитетом, который был в Воронеже. После этого работа у нас пошла энергичней. На общем собрании постановили в дела религиозные не вмешиваться и борьбу с попами поддерживать только косвенным образом, направляя ее там, где представится возможным, в русло революционности; в дела же общественные — вникать, но не допускать, чтобы член организации был избран старшиной или старостой, а поддерживать лишь таких кандидатов, которых можно брать под свое влияние и через них добиваться чего-либо на пользу революции; на другие же должности — уполномоченных, учетчиков старшин и старост и пр. — проводить членов и стараться выявить свою честность; на сходах защищать интересы бедняцкого и середняцкого слоев населения (хотя таких терминов тогда не употребляли, а делили на трудящихся крестьян и кулаков). Это постановление проводилось весьма удачно, но зато старшины и старосты очень часто менялись высшею властью; за один год было четыре старшины и трое старост. Был организован волостной комитет — «Туровский волостной комитет крестьянского братства П. С.-Р.» из трех членов; в него вошли Д. Л. Лопатин, Я. Г. Колтаков и я (председатель, казначей и библиотекарь),

Круг сочувствующих все увеличивался и увеличивался, через них распространялись нелегальные книжки и прокламации. Члены организации пользовались громадным авторитетом, их стали выдвигать на общественные должности, и обиженное крестьянство искало у них защиты на общественных сходах.

Первая Государственная дума отжила свой срок, ее разогнало правительство, члены ее разъехались по домам. Приехал и наш туровский Прокофий Семенович Борисов, поддержанный на выборах, как выше было сказано, нашим кружком. Его деятельность в Государственной думе нам была теперь известна. Он принадлежал к правому крылу. Кроме того, он состоял в организации члена думы, помещика Ерогина, который, организовав крестьян, членов думы, предоставил им дешевую квартиру и столовую: при голосовании вопросов в думе они голосовали, как угодно было Ерогину, что называется, продали интересы крестьян за чечевичную похлёбку. Члены крестьянского братства довели до сведения крестьян не только своего села, но и почти всего уезда о деятельности Борисова в думе.

На 18 февраля 1907 года были объявлены выборы во вторую Государственную думу. На общем собрании крестьянского братства постановили наметить кандидатами Д. Л. Лопатина и меня. Если же эти кандидатуры не пройдут, то во всяком случае не пропустить Борисова потому, что если он пройдет в Турове, то он пройдет и в уезде и в губернии, так как нам было известно, что губернатор и вся власть местная намечает его. Это была очень трудная задача для нашей организации. Село было разбито на участки, в каждом из которых было назначено по одному агитатору из членов братства и сочувствующих.

Когда Борисов узнал, что против него ведется агитация, он открыто стал ездить по сотням и подпаивать. Ходили слухи, что деньги для этого ему были отпущены губернатором. Очень трудно было нам выступать против него, потому что агитация наша была нелегальная, и силы у нас были очень небольшие, а за него агитировали открыто вся волостная власть, урядник Львов, местная интеллигенция, торговцы и все воротилы в селе. Но все-таки мы сумели это сделать.

Я думаю небезынтересно рассказать, как мы проводили эту работу в таком громадном селении. Наше село разбито было на 36 сотен; каждая из них устраивала свои сходы для разрешения своих вопросов. Эти сотни мы поделили между собой, и в тех из них, куда нам нельзя было самим проникнуть на сходы, мы находили человека по 2-3 надежных и имевших влияние на массы и сначала им самим доказывали важность этой работы, а они потом уже агитировали в своей сотне. Оказалось, что многие сотни принимали угощение от Борисова, а голосовали против него.

Наконец, подошел роковой день выборов — 18 февраля. В виду того, что село Турово одно составляло волость, в нем имели право выбирать не десятидворные уполномоченные, а каждый домохозяин; поэтому десятник объявил каждому двору идти на сходку. В 10 часов утра народ стал собираться и до открытия схода толпился кучками около волости, торговых лавочек и чайной, которая была битком набита. В каждой кучке шли толки на всевозможные темы; большая часть была заинтересована в выборах, а некоторые вышли только выполнить обязанность. Агитация шла всю, происходили споры, доходившие до площадной брани. Здание волостного правления в Турове находилось посреди площади, парадный ход с за-

падной стороны был обнесен балясником, а против входа был деревянный засов; это было сделано для того, чтобы во время сходов народ не напирал на крыльцо, на котором ставился стол, и заседала власть, руководившая сходом; по обеим сторонам крыльца стояло по два фонаря. С парадного хода на восточную сторону проходил длинный прямой коридор, в котором при выборах ставились баллотировочные ящики, и народ входил, опускал шары и выходил на другую сторону, на школьный дворик. Здесь же, как обычно, был назначен сход и для выборов членов во вторую Государственную думу. В 12 часов днядесятники оповестили по кучкам и чайным, чтобы шли в указанное место на сход. Народ повалил. Заинтересованные в выборах старались захватить место поближе к крыльцу, хотя уже некоторые, не дожидаясь зова, стояли около балясника часа два. Волостной сторож вынес стол и два стула, потом появился урядник Львов с двумя стражниками и занял место по правую сторону стола. Урядник окинул взглядом толпу, как бы ища кого-то, отвернул воротник своей шубы и занял, как-будто безучастно, место в уголку крыльца, обратясь лицом к народу. Для нас урядник был центром внимания: мы старались угадывать его мысли по всем его движениям, гримасам. Вот появился и волостной писарь — Тихон Петрович Золотухин (Лепилов) с чернильницей и папкой; за ним — волостной старшина Тимофей Яковлевич Бочаров. Волостной писарь — старый служака, ревностный исполнитель власть имущих, из солдат, выдержавший экзамен на урядника; старшина желает всем угодить, он, что называется, на поводе у волостного писаря.

После обычного «здравствуйте, старики!» старшина объявил сходку: «мы должны выбрать одного

кандидата во вторую Государственную думу». Не успел он еще договорить этого, как волостной писарь уже зачитал намеченных кандидатов: Борисова — члена первой Государственной думы, себя, т.-е. Тихона Петровича Золотухина и старшину Тимофея Яковлевича Бочарова. Кто-то впереди крикнул: «хорошо!». Но сход загудел как море: «Не нужны эти, пишите Дмитрия Леонтьевича Лопатина и Арсентия Борисовича Прасолова!» В конце концов поднялся такой шум, что нельзя было разобрать, кто о чем говорит. Старшина и писарь задумали взять народ измором — протянуть время: наскучит стоять на снегу в лаптях и зипунах, разойдутся, а с меньшинством уладят, — выберут, кого хотят, — как это обыкновенно делалось раньше. Но не тут-то было: народ не расхотелся. Старшина неоднократно выходил, прочитывал список, предлагал голосовать: но народ каждый раз так волновался и гудел, что он опять уходил в волость. Таким образом протянули до вечера. Зажгли фонари около волости в надежде, что мороз все же разгонит толпу, но народ все не расходился. Вдруг раздался звон разбиваемых стекол — кто-то фонари кирпичами посбивал. Поднялась паника. Кто-то призывал бить окна в волости, потому что, повидимому, заморозить хотят народ. Другие подняли свист с криком и предлагали тащить старшину и писаря. Но старшина и писарь, как только разбили фонари, сразу захватили папку и чернильницу и заперлись на засов в волости, просидев там, пока народ не разошелся. Расходясь со схода, крестьяне подтрунивали: «Славно кто-то сделал, а то они бы всю ночь держали»... «Я, милушка, стоял около фонаря, вдруг, бац — так меня осколками стекла и обдало»... «Если бы впотьмах попался старшина и писарь, их бы ловко выбрали в епутаты!»... После уже мы

узнали, что нашествие на фонари было организовано Ефимом Игнат. Лопатиным, беспартийным. Этот Лопатин неоднократно обращался к нам с просьбой дать ему револьвер, чтобы убить земского начальника Логвинова в то время, когда он бьет мужиков.

Во время выборов земский начальник Логвинов отсутствовал, он был в Воронеже на дворянских выборах. Ему сообщили по телефону о случившемся. Приехав оттуда, он избил старшину и многих других, потом выхлопотал у губернатора разрешение вторично произвести выборы, которые и были назначены на 24 февраля. Во время Японской войны в роте этого земского начальника служили солдатами наши туровцы — Ванька Голованов, Алдошка Ченчерихин и др., которых он теперь сорганизовал для охраны себя и для проведения своих мероприятий. Ванька Голованов или Иван Петрович Козлов состоял в нашей организации и он нам передавал все действия Логвинисва и делал отвлечение от членов нашей организации в его глазах. Неизвестно кем организованные, наши туровские крестьяне Абакум Шишонков, Козьма Мысков, Василий Кочетов и др. составили из себя депутацию, пришли к земскому начальнику Логвинову и сделали ему доклад такого содержания: в срыве выборов в думу виноваты А. Б. Прасолов и Д. Л. Лопатин, они главные возмутители и всех настроили, чтобы не выбирать Борисова. Логвинов в их присутствии тотчас же послал за мной. Когда я пришел к нему, я застал его лежащим на кровати нагим и пьяным. Он встретил меня площадной бранью и заявил, что я лишен права голоса на следующих выборах. Я было заикнулся о законном праве, но он вытащил из-под подушки браунинг и начал в меня целиться со словами: «Вот тебе право!» Я через парадный ход убежал

После меня он призвал Д. Л. Лопатина и с ним то же проделал.

После этого, собрав означенных выше солдат, он приказал им, если мы с Лопатиным будем где-нибудь что-либо говорить, тут же нас бить. 24 февраля сход начался раньше обыкновенного: в 10 часов утра площадь была уже заполнена народом. Народу, как видно, явилось на сход вдвое больше, чем на предыдущий, ибо события схода 18 февраля привлекли внимание даже тех, коих ранее не было, и даже женщин, которых пришло со двора по 2—3 и более послушать и посмотреть, как будут выбирать «епутатов», не повторится ли происшествие 18 февраля. Сход начался в 11 часов дня. Мы с Д. Л. Лопатиным, чувствуя, что сход будет бурный и без скандала не обойдется, как лишенные голоса, заняли место на крыльце чайной Лопатина, откуда все было видно и слышно. Все было подготовлено, по коридору были расставлены баллотировочные ящики, и приставлены счетчики. Как всегда, вышел старшина, и писарь Золотухин зачитал кандидатов — опять Борисова, Золотухина и Бочарова, и хотели без всякого обсуждения кандидатур приступить к баллотировке. Но народ заволновался, закричал: «Не нужны нам эти продавцы! Пишите, кого мы хотим». Волостной писарь Золотухин, не обращая внимания на крики, стал вызывать по списку домохозяев, начиная с первой сотни, которая была расположена в самом центре села. На вызов баллотировать никто не вышел. Тогда он стал вызывать по списку с конца, — тоже не идут. Наконец, вызвал из середины: «Новичихин, Иван Егоров!» Тот откликнулся и стал пробираться к коридору. Народ сдавил его, не желая пропускать. Но он уже добрался до засова, предохраняющего от напора народа на крыльцо. Однако, только под-

нялся он на третью ступеньку крыльца, как стоявший около засова сын его Федор Иванович Новичихин, по профессии жестяник, схватил отца за полу халата и бросил его через засов прямо в народ. Поднялся крик, шум. Старшина и писарь опять убежали в волость. В это время кто-то из коридора начал бросать прямо в народ баллотировочные ящики, табуреты. Возникла драка, в которой сначала трудно было разобрать, кто кого бьет, и видно было только размахивание кулаков и кучи лежачего народа. Первыми побежали торговцы, интеллигенция; богачи в тулупах подняли полы и забегали в первые попавшиеся ворота или перелезали через заборы.

Некоторые стали вооружаться кольями. Несколько времени спустя толпа разделилась на два лагеря, один из которых стоял за Борисова, другой — большой — против него. Жестяник Новичихин отбил человек 50 и побегал за ними. На их счастье была открыта церковь, и они забежали туда. После этого он уже больше не стал их преследовать, но, возвращаясь оттуда и потрясая кулаками, кричал: «Я вас загоню в царство божие!» Победителями оказались те, которые были против Борисова, хотя раненых было много и с этой стороны. У Харапона Яковлевича Борисова откусили палец, и он мотался на одной жилке; он лишился также почти всей бороды. И у многих других половина бород оказалась вырванной, у некоторых же были видны синяки на лице. Еще на следующий день на этом месте можно было видеть на снегу лужи крови и клочки бород. Старшина Бочаров и волостной писарь Золотухин (которые и ныне здравствуют) во время этой свалки забились в самую дальнюю комнату, заперлись на засов и на всякий случай устроили там баррикады; но, кажется, несмотря на устройство такой крепости.

по слухам, с ними случилось что-то неладное. А про Борисова тоже шла молва, что он в панике пытался перелезть через высокий плетень, но зацепился тулупом о кол и долго висел, болтая ногами, пока его не сняли. Так от Туровской волости и не было кандидатов в думу. На следующий день к старшине, уряднику и земскому начальнику посыпались жалобы на нанесение побоев; жаловались сторонники Борисова. Их посылали с заявлениями в волостной суд. В последнем председателем состоял сторонник Борисова и его кум Григорий Филиппович Занин, который по первому делу присудил Михаила Сапожкова к двадцати дням ареста и взысканию десяти рублей в пользу потерпевшего. Наша организация следила за ходом таких дел и на первом же собрании постановила написать председателю Занину анонимное угрожающее письмо, чтобы он впредь не решал так дел, ибо это были обоюдные драки, и что в противном случае он будет наказан самосудом. Судья означенное письмо передал уряднику с указанием, что, по его мнению, оно написано мною (в действительности же была только моя редакция, а написано письмо было рукою Дмитрия Леонтьевича Лопатина). Судья Занин, однако, после этого письма не только не изменил своего решения, но осудил еще двух крестьян. Тогда мы решили привести в исполнение нашу угрозу и нанести ему убыток путем поджога клади ржи копен в двадцать. По таким вопросам собрания у нас происходили на-ходу, по площади под видом прогулки; исполнение такого дела не поручалось кому-либо одному, а это был долг каждого члена, кому только представится возможность; по выполнении акта совершивший его не должен был делать доклада всему собранию, а обязан был сообщить только одному председателю комитета.

для всех же членов организации имя этого товарища должно было оставаться неизвестным.

Интересный казус получился при исполнении этого первого террористического акта. За него принялись сразу два товарища — Иван Семенович Колтаков и Иван Сидорович Новичихин. Они пришли на место в один и тот же момент, не зная друг друга. Оба подумали, что кто-то подкрадывается к ним и в первый момент убежали, не выполнив задания. Потом лишь, спустя два часа т. Новичихин его осуществил. Впоследствии для исполнения таких постановлений организации, кроме изложенных выше правил, товарищ должен был заранее заявить председателю комитета свой технический план, который мог быть отвергнут, а более сложные планы должны были передаваться на обсуждение в заседании членов комитета. Поджог кладбища сразу остановил председателя суда от вынесения таких приговоров.

Организация росла, в марте 1907 г. в ней насчитывалось уже до 25 членов. Собрания уже нельзя было устраивать на ходу или за столом в чайной Лопатина, нужны были особые помещения. Агитаторов из города в то время почти не было, за исключением Евдокии Яковлевны Шабашевой, которая зимой была только три раза. За литературой и за какими-нибудь указаниями в губернскую комиссию мы ездили сами. Нам стало известно, что за нами уже идет слежка тайной агентуры охранки. По селу ходили слухи, что в Турове существует какая-то шайка против царя, и что у этой шайки имеется где-то закопанные в земле всевозможное оружие и бомбы.

В начале марта волостной старшина Бочаров, сельский староста и урядник Львов стали продавать крестьянское имущество за подати. Обычно продажа эта начиналась с первой сотни, т. е.

с центра села; а в этом году — наоборот, начали с 30-й сотни, расположенной в десяти верстах от центра. Мы догадывались, что это делается потому, что центр села был более революционно настроен, и власть боялась сопротивления, которое имело место в Турове и раньше, а теперь в особенности. Покупателями явились свои же туровские кулаки. Наша организация, как обычно, стала бороться с этим: написала угрожающие письма всем покупателям-кулакам и волостному старшине Бочарову. После этих писем многие покупатели, наиболее сильные, прекратили свою деятельность, но продажа имущества все-таки продолжалась и теперь уже по более дешевой цене. Было оказано и сопротивление: один крестьянин запер на замок в клеть корову, и когда помощник старосты стал ломать замок, железными вилами поранил ему руку. У старшины была сожжена рига. В урядника Львова был поздно вечером брошен в окно кирпич, но, к несчастью, прицел был взят неправильно. Продажа имущества была прекращена.

Вечером 10 марта я, по обыкновению, зашел в чайную Лопатина почитать только что полученные газеты. Егор Егорович Лугавцов читал вслух в «Думском Листке» статью об обвале потолка в здании Государственной думы. По прочтении началось обсуждение, и раздавались неодобрительные реплики по адресу Пуришкевича и др. членов. После этого Егор Андреевич Новичихин вынул из кармана книжонку «Кровавый молох» св. Петрова и предложил мне тут же прочитать ее вслух, обратив внимание присутствующих, что «уж дюжа интересна книжка». Я занял место посредине и стал читать.

Когда я вошел в чайную, мне сразу бросилось в глаза следующее: у стены за столиком, кото-

рый накрыт был особой белой скатеркой, сидел человек и пил чай; одет он был в пальто и производил впечатление проезжающего барышника. Мне о нем сейчас же рассказали, что этот господин приехал открывать у нас в Турове мыловаренный завод и зарекомендовал себя, как человека, тоже любящего читать газеты и очень интересующегося политикой. Когда я кончил чтение и отдал обратно книжку, он тоже вступил в обсуждение содержания книги. Потом он обратился к Новичихину с просьбой дать ему книжку и обещал в свою очередь, что так как он часто ездит в Воронеж, — привозить нам книги. Новичихин стал отказываться, говоря, что эта книга принадлежит не ему. Тогда я вступил в их разговор и сказал, что эта книга моя собственная, что я купил ее в киоске в Воронеже. Действительно, книга эта пока была легальная и там куплена. У меня было обыкновение, когда я бывал в Воронеже, обходить все книжные магазины и киоски; и хоть купить и не куплю, а уж пересмотрю все, за это понятно мне попадало от торговцев. Я ему книгу уступил, он посмотрел на цену, вынул 10 коп. и передал мне. Однако, оказалось после, как видно было из нашего следственного материала, что это был шпион Черезов, есяновский урядник, командированный нижегородским исправником. В следственном материале он обрисовал сцену в чайной Лопатина в следующем виде. У нас-де было собрание, у дверей поставлен был сторож, который предупреждал нас знаками о приходе в чайную посторонних людей, и когда дал мне за книгу 10 коп., будто бы я обратился к публике с такими словами: «Товарищи, куда девать эти 10 коп.?» А они сказали: «Пока пусть у тебя будут».

Город Нижнедевицк был настроен антиреволюционно, но все таки мы с ним поддерживали связь,

и в апреле месяце был даже оформлен «Уездный комитет крестьянского братства П. С.-Р.». Там работали учитель Александр Федорович Попов и Дракин, делопроизводитель воинского начальника. Работа у них шла слабая, два раза они у нас были на собрании, один раз выпустили свою прокламацию.

Проверяя отзывы крестьян о распространяемой нами нелегальной литературе и прокламациях, мы увидели, что некоторые из прокламаций недостаточно сильно действовали на чувства: с одной стороны, они были написаны чисто литературным языком, с другой, — приводимые там мотивы и факты были не совсем близки местному крестьянству; некоторые же были чересчур резки: как выражались темные крестьяне, «дюжа там всех ругают — царя, попов и даже святых, язык не поворачивается читать — можа они еще и не виноваты». На общем собрании постановили организовать свою типографию (гектограф); достали материал, сварили «студень», как выражались товарищи, приобрели химические чернила, согнули из железа противень и стали печь «блины». Типографию поставили у Сергея Сергеевича Панина, избушка которого стояла на окраине села, у опушки леса «Скупого». Наши прокламации читались на расхват, их читали даже самые закоренелые верующие и давали очень лестные отзывы. Большую часть этих прокламаций сочинял я; притом я так наспециализировался писать печатными буквами, что на суде экспертиза отказалась признать, что это моей рукой написано. Две прокламации были полностью занесены в наш обвинительный акт. В последнее время литература трактовала вопрос о подготовке к вооруженному восстанию. Связь с подобными организациями в других селах уезда и с губернским комитетом устанавливалась очень

тесная, наши прокламации стали читаться по всему уезду. Мы имели связь в следующих селах: в Кочетовке, где главными руководителями были крестьяне Яков и Павел Антоновичи Мещеряковы, Давид Сергеевич Сериков и Федор Васильевич Князев; в селе Хохле — Иван Прокофьевич Казарцев с сыном Федором Ивановичем; в Никольском — сами крестьяне; в с. Истобном — Сергей Александрович Григорьев, крестьянин, окончивший Воронежскую фельдшерскую школу; в с. Красном — учительница Евдокия Яковлевна Шабашева и ее сестра Анна Яковлевна; в с. Синие-Липачи — сами крестьяне и в с. Яблочном, Коротоякского уезда — учитель Иван Иванович Черкашенинов и крестьянин Савелий Петрович Биндюков.

На 25 марта 1907 г. был назначен уездный съезд этих организаций. Местом для него было указано с. Синие-Липачи. На общем собрании членов «Туровского крестьянского братства» на съезд был избран я. В это время стояла невылазная весенняя распутица, и, несмотря на это, представители все-таки явились от всех означенных выше организаций, явились так же представители губернского комитета Яков Антонович Мещеряков и уездная работница Евдокия Яковлевна Шабашева. Повестка дня была следующая: 1) Доклад представителя губернского комитета и уездной работницы, 2) Доклады с мест, 3) Подсчет сил и тактика вооруженного восстания, 4) Выбор делегата на губернский съезд. Всего присутствовало на съезде 15 человек. Съезд прошел оживленно и благополучно, внушил бодрость представителям, и эта бодрость, как после стало видно, передалась и в соответствующие организации. Делегатом на губернский съезд был избран я.

Прибыв с уездного съезда, я сделал доклад общему собранию, и организация усиленно стала

готовиться к вооруженному восстанию. Делались сборы на приобретение оружия, собирали и покупали всякого рода оружие; старое порченное отдавали в ремонт в Воронеж, где при губернском комитете имелась мастерская по ремонту и выработке бомб. Сборы на оружие производились деньгами и натурой. Для этой работы была выделена особая группа, которая собирала средства не только у членов, но и у сочувствующих, а также среди кулаков и богатых; вырабатывались меры и способы для экспроприации государственных и общественных средств. Было вынесено постановление, что за присвоение этих средств виновник карается смертью. Об экспроприации в более сложной и трудной обстановке решено было сообщать губернскому комитету, который в таких случаях должен был командировать людей из имевшегося у него кадра специалистов. Нашей организацией выпускались специальные прокламации с призывом жертвовать на святое дело освобождения деньги, оружие, а также скрывать и давать приют лицам, преследуемым полицией за дело революции, с предупреждением, что те крестьяне, которые будут доносить или выдавать, именем революции будут строго наказаны.

5 апреля вдруг нагрянули две сотни казаков со стражниками, во главе с исправником Федоровым. Они разбились на два отряда, один из которых двинулся прямо к моей хате, а другой — к Д. Л. Лопатину. Оцепив мою хату, они стали производить обыск. Искали очень тщательно, кололи штыками и палками стены и печку в хате, вскопали земляной пол, истыкали землю на дворе. Меня в это время не было дома, я был за две версты — на огороде. Но мне туда немедленно сообщили об обыске соседи и предлагали скрыться. Я и не думал, чтобы у меня что-либо могли найти, ибо библиотека

и кое-какое оружие у нас было так спрятано, что обнаружить его было не легко. Поэтому я часа через два направился домой успокоить жену и детей, которые, как мне говорили, очень перепугались. Когда я пришел, я сразу принялся осматривать папку, в которой были кое-какие заметки и черновики корреспонденций в газету «Воронежское Слово» легального содержания; я обнаружил, что отсюда взята тетрадь с этими черновиками. Вдруг мой дом снова оцепляют и еще в сенях командуют мне, чтобы я поднял руки вверх. Я вынужден был подчиниться. Первым шел с револьвером на изготовке урядник Львов, следом за ним — пристав Аристархов, потом — помощник исправника Попов. После нового обыска мне заявили, что я арестован. Жена и дети подняли рев. Помощник исправника посадил меня в свой тарантас, запряженный тройкой, и вся процессия двинулась к волости. Невиданная еще жителями с. Турова картина: впереди на тройке едет пристав, за ним — еще тройка, по бокам, сзади и впереди — конные стражники, смешанные с чубатыми казаками.

Когда мы подехали к волости, то узнали, что здесь исправника нет. Едем на земскую квартиру, — говорят, что исправник был, но куда то уехал. Оказалось, исправник остановился в конце села, в хате вблизи большой дороги на Нижнедевицк. Это он сделал из боязни, в случае нападения на отряд со стороны крестьян, быть отрезанным от пути к Нижнедевицку. Через полчаса привозят еще одного арестованного — Ивана Семеновича Колтакова, у которого при обыске нашли брошюру «Последнее средство». Первым допросили Колтакова, потом позвали меня. Исправник обратился ко мне со словами:

— Двум свиньям есть не разделишь, а берешься за революцию!

Я ему ответил:

— Если это так, то зачем меня преследовать и зачем вам беспокоиться.

Потом, рассмотрев отобранную у меня при обыске тетрадь, он дал мне строгий наказ не заниматься революцией. Он старался как можно дольше продлить беседу, в надежде узнать от меня что-нибудь. И. С. Колтакова отправили в нижедевицкую тюрьму, а я был освобожден.

Налет казаков со стражниками произвел тревожное впечатление на крестьян с. Турова. Каждый из них интересовался узнать, зачем это ищут книги и какие. Мы объяснили, что книги ищут такие, в которых написано о том, что помещики неправильно владеют землей, и что нужно у них ее отобрать и как отобрать и т. п. Таким образом приезд казаков и арест Колтакова «за книжку» создал почву для агитации против существующего строя. Везде, где бы только собиралось несколько человек — на мельнице, в кузнице, в чайной и даже в волости, — только и было разговору об обыске. Некоторые наивные, темные крестьяне обращались с вопросами даже к уряднику Львову, с которым вступали в такой спор: «Что она книга, укусит кого или подожжет? Раз ее напечатали, значит надо читать! Ищут, значит боятся, чтобы правду не узнали мужики и всех этих исправников по шее не погнали»... После обысков многие крестьяне сразу стали относиться сочувственно к тем, у кого производились обыски, с одной стороны, как к неправильно обиженным, а с другой, — как к людям особенным, из-за которых приезжал сам исправник с двумя сотнями казаков и стражников и которых они до этого считали простыми честными, хорошими мужиками.

Организация росла быстрым темпом, а сочувствие к ней — еще пуще. На общем собрании по-

становили всем обучаться военному строю. Руководителем избрали бывш. фельдфебеля Ивана Петровича Козлова. И, вот, по особому секретному сигналу выходили все в поле и там обучались. В это летнее время мы устраивали собрания в лесах, в оврагах. Два раза приезжал из Воронежа инструктор, подсчитывал силы могущих выступить с оружием, для чего на собрании предложил отойти в сторону тем, которые чувствуют себя на это способными, и из 56 человек отошли 52; оставшиеся были два старика 60 лет и два физически ненормальных.

Из губернского комитета сообщили, что губернский съезд назначается на 11 июня 1907 г., и что представитель должен явиться сначала в Воронеж, в такую-то квартиру с паролем «магнит», где он получит пропуск и указание места съезда.

Местом съезда были избраны «Графские леса» близ станции «Графская» Ю.-В. ж. д., самая же станция была назначена сборным пунктом.

На ст. «Воронеж» пришлось ожидать поезда всю ночь. Много пришлось за эти часы передумать: что-то там будет на съезде, и придется ли назад возвратиться. Позвякивая шпорами, жандармы, выдрессированные «не смотреть, но видеть», пронизывали своими взорами все уголки большой железнодорожной станции. Невольно думалось: «а что если бы они знали, куда я еду и что думаю, — сейчас же меня бы схватили»... Зал третьего класса был битком набит; большая часть пассажиров улеглась на полу, под головами — ноги в лаптях соседа, на его ногах — тоже голова и т. д. А вот в кружок уселось несколько человек, как видно по багажу — едут издалека, в портянках, уничтожают паразитов... На мгновение открылась дверь зала первого класса. Там простор, чистота. Пассажиры сидят за столами, чай пьют,

закусывают, перед иными стоят бутылки с золотыми головками, выпивают, весело разговаривают. На столах и по сторонам цветы и какие-то тропические растения. Да, нас набито как сельдей в бочке, нас много, а в первом классе людей мало, и это меньшинство нас не пускает туда!.. Неужели это большинство-лапотники в портянках, со вшами, при вооруженном восстании не пойдут с нами?.. Нет, пойдут, им нужен только зачинщик! Они ведь тоже хотят жить по-человечески. А зачинщики есть у нас, в одном селе Турове человек сто найдется, и в других селах есть, и по всей России есть! Вот на губернском съезде узнаю, сколько в нашей Воронежской губернии этих зачинщиков... Надо во что бы то ни стало настаивать на съезде, чтобы скорее поднять вооруженное восстание! И победа будет на нашей стороне, потому что нас, этих лапотников, очень много, — без оружия можем взять... Ведь, вот я, в зипуне, еду на съезд уговариваться о вооруженном восстании; кто может подумать, что я такое дело делаю? Да и почему знать, тут должно быть много таких едут на съезд...

Вдруг закрадывается мысль, что меня может кто-либо из шпиков спросить по дороге, куда я еду. Начиная составлять ответ: на богомолье, там такой-то женский монастырь.... Нет, не поверят: молодой — и по железной дороге еду, на богомолье больше идут пешком. Стоп! на Графской станции есть дачи и как раз сезон открылся; значит, можно сказать, что еду, не удастся ли там наняться в какие-либо прислуги или рабочим... Так и буду держаться этого, путаться не буду. Этому поверят. В этих мыслях я дождался поезда, сел в вагон и поехал.

Шабашева перед тем наставляла: «Там на «Графской» меня увидишь, я буду в зеленой шляпке, и

смотри, куда я пойду, не спуская с меня глаз, туда и иди прямо в лес»...

Вот она и «Графская» — станция почти в лесу. Еще не слезая с вагона, увидел на околице леса зеленую шляпку: это она, Шабашева. Покрутилась, как бы ожидая кого, пока поезд остановился, и пошла по тропинке в лес, там уже с ней несколько человек, и сейчас же все направились по глухой тропинке. Пройдя так приблизительно с версту, мы свернули прямо в гущу леса и пошли, перелезая валежник; впереди, слышно, поют. Приходим, а тут уже ожидают — кто лежит на траве, часть сидит кучками, ведут горячую беседу. На наше счастье стояла прекраснейшая погода. Осмотрел людей — знакомых нет: одеты все по городскому. Стали закусывать, кто что с собой захватил, был согрет чай в чайнике, и за недостатком стаканов пили по очереди. Я очень проголодался, с собой ничего не захватил; начал уплетать белый хлеб с колбасой. После этого с'езд был объявлен открытым. Избранный президиум зачитал следующую повестку дня:

- 1) Доклад губернского комитета о своей работе.
- 2) Доклады с мест. 3) Подсчет сил и тактика вооруженного восстания. 4) Выбор делегата на областной с'езд и 5) Текущие дела. Всего на с'езде было 33 человека, из них — 7 женщин. В виду того, что материала о губернском с'езде у меня нет, я скажу только то, что у меня осталось в памяти, а в ней сохранилось то, что больше интересовало меня тогда. В общем работа губернского комитета при существовавших тогда условиях проделана была огромная. Была оборудована типография, которая работала с полной нагрузкой; установлена была хорошая связь с центральным комитетом; имелись также связи с уездными комитетами; передача литературы по уездам была обеспечена;

имелась боевая дружина; оборудована была связь с военными частями. Из доклада с мест стало видно, что хорошо дело поставлено в следующих уездах: Новохоперском, Нижнедевицком, Коротоякском, Валуйском, Павловском, Бирюченском; в остальных — более слабо, но почти со всеми уездами губернии имелись связи. В отношении вооруженного восстания постановили руководствоваться брошюрой «Последнее средство», изданной центральным комитетом. Сигналом к вооруженному восстанию должен был служить разгон второй Государственной думы, но надлежало пользоваться каждым благоприятным моментом, на случай брожения в низах.

С'езд продолжался два дня. Ночевали прямо в лесу, а так как ночи были еще прохладные, то в качестве постели набрали кучу сухой сосновой хвои и легли вплотную один к другому, чтобы теплей было. На другой день не достало продуктов; тогда послали двух участников в монастырь, и они принесли оттуда хлеба и квасу, и этим мы жили еще сутки. 13 июня раз'ехались.

Возвратившись в Турово, я сделал доклад общему собранию, на котором условились, в случае вооруженного восстания, по удару в набат, собираться у чайной Лопатина, а потом каждый должен будет выполнять свои обязанности, распределенные перед этим, руководствуясь брошюрой «Последнее средство».

Общий план был таков: попортить все пути сообщения; обезоружить и арестовать местную власть; возбудить крестьян, призывая тех, кто желает добывать себе землю и свободу, идти за нами; вооружиться кто чем может и направиться на Нижнедевицк, где посредством имеющейся связи с местной командой захватить склад оружия; там также обезоружить и арестовать местную

власть; организовать временный комитет и с прибывшими из других сел отрядами направиться на Воронеж, по пути в села призывая население вступать в наши ряды; в самом Воронеже будут сосредоточены главные руководители.

Небезынтересно знать, как крестьяне представляли себе жизнь после свержения существующего строя. Они об этом думали вообще мало; для них важно было лишь свергнуть старое правительство, отобрать у помещиков землю, а «остальное сделают без нас», говорили многие. О социализме они имели очень смутное представление. Конечно, были на эту тему споры: одни говорили, что после вооруженного восстания сразу должен наступить социализм, другие же полагали, что у нас должен установиться порядок, как во Франции. Но таким спорам уделялось очень мало времени, потому что было много злободневных вопросов. Зато вопросы государственного строительства горячо обсуждались в тюрьме, куда посадили из села Түрова сразу 180 человек, — но об этом будет сообщено ниже.

Теперь же скажу, как относились к революционерам их семьи. Почти на каждом собрании повторялось, что вся работа должна храниться в строжайшем секрете, и что всякая неосторожность будет караться очень строго, вплоть до смертного приговора. На этой почве возникали курьезные случаи. Когда муж бывал по ночам на собрании, — жена начинала ревновать. При объяснениях с ней он выставлял разные предлоги, но жена, не удовлетворяясь этим, начинала проверять, — и эти предлоги оказывались ложью: «Теперь я узнала, что ты обманываешь меня: я спрашивала у свата, а он тебя в эту ночь совсем не видал: значит, ты ходишь к Акульке. Но, помни, я тебя подкараулю, а ей глаза выцарапаю, — пря-

мо при всем народе осрамлю!» Родители скорее на след нападали: «Должно быть с забастовщиками связался, ходишь книжки читать. Избави бог, принесешь ты в дом эти книжки или прокламации, — я сам их уряднику отнесу, так и знай! Вот и тебя будут возить по селу со стражниками и казаками, как Арсена Касачева; после этого я тебя в дом не пущу!»

Вот в какой атмосфере должен был работать крестьянин-революционер. Бойся шпиков, храни в секрете от семьи, а там — смерть от товарищей... Что тут делать, как выйти из этого положения? Выходы находили разные: одни уходили на заработки, бросая семью, другие и секрет открывали и пр. «Забастовщиками» называли всех тех, кто стремился к прогрессу, кто не носил волосы под «горшок», а стригся, кто надевал пиджак, или рубашку городского покроя, сапоги с узкими голенищами и т. п. Но все-таки это слово среди молодежи стало приобретать популярность. В ночном, например, можно было услышать такие разговоры: «Милушка, меня сам Митрий Левонтьевич звал записаться в забастовщики». — «А меня Арсен Касачев куда-то уже записал». Конечно, это было не более, чем хвастовство: но, действительно, стало очень заметно, как ломались старые устои даже в семьях старого закала. Бывали случаи, когда наивная молодежь приходила ночью и просила «записаться». Обращались и за оружием, чтобы убить земского начальника или урядника. Один просил дать ему бомбу для взрыва церкви со всеми попами и «телом» христовым; когда я у него спросил, зачем это ему нужно, он ответил, что хочет доказать этим бессилие бога, чтобы все сразу перестали верить.

Всевозможная нелегальная литература читалась в селе во-всю. Прокламации собственного издания

приобрели вид периодической газеты, где описывалась вся мерзость местной власти, мародерство попов и кулаков. Под этими прокламациями теперь была подпись «Туровский комитет крестьянского братства». Урядник Львов не успевал отсылать их исправнику. Шпионы работали с полной нагрузкой. Урядником были мобилизованы все волостные должностные лица, вплоть до сторожа. Сборщику податей Василию Семеновичу Бурдеву, который жил в одной сотне со мной, поручено было достать подлинник моей руки, написанный печатными буквами. Для этого он подослал ко мне племянницу Лукерью Жданову, чтобы она попросила меня написать ей поминание печатными буквами. Подозревая, что здесь кроется шпионаж, я при ней не стал писать, отговорившись, что теперь занят. Она оставила старое поминание и попросила, когда будет время, переписать. В ее отсутствии я переписал, но только церковно-славянскими буквами. Поминание это фигурировало на нашем суде, и экспертиза отказалась признать, что поминание и прокламации написаны одной рукой.

Борисов, член первой Государственной думы, писал земскому начальнику доносы (которые имелись при деле в суде) следующего содержания: «У нас в селе имеется какая-то партия, которая хочет уничтожить вашу драгоценнейшую жизнь, а посему будьте осторожны», подобные же предупреждения он посылал и воронежскому губернатору.

Слухи о том, что в Турове имеется громадный склад всевозможного оружия и бомб стали еще упорнее. Наша организация с часу на час лихорадочно ожидала сигнала для вооруженного восстания. В ночь на 27 августа у нас арестовали трех членов: Дмитрия Леонтьевича Лопатина, Ивана Егоровича Лопатина и меня. Необходимо

сказать несколько слов о том, как происходил арест. Помощник исправника Попов и пристав Аристархов с сотней казаков и стражников въехали в село, а другую сотню оставили за селом в резерве. Мужики в эту пору возили снопы с поля и некоторые — в течение всей ночи; таких мужиков останавливали и приставляли к ним по стражнику.

Мой двор был оцеплен так тихо, что я даже не слышал, как вошли в сарай, в котором я спал; когда я проснулся, то увидел уже с фонарем урядника Львова, помощника исправника и несколько стражников.

Приказав мне не вставать, они отыскиали мою обувь, одежду и, предварительно осмотрев ее, подали мне, чтобы я собирался. Стражники все время держали винтовки с направленными в меня дулами. Когда меня вывели и посадили в тарантас, помощник исправника перекрестился и вслух произнес: «Слава богу, одну птичку поймали». Потом со мной же направились к Ивану Егоровичу Лопатину, который жил неподалеку от меня. С ним поступили так же и посадили рядом со мной. Далее направились к Дмитрию Леонтьевичу Лопатину. Подъехав к его дому, они оцепили его со всех сторон и сразу полезли в окна: некоторые створки отворили, а некоторые прямо сломали. У Дмитрия Леонтьевича было 6 человек детей, самому старшему из них было 9 лет. Они подняли ужасный крик. Жена Екатерина Павловна тоже закричала: «Палачи, кровопийцы, что вы делаете, вы детей нам искалечили, уродами сделали, они не виноваты!» Лопатина вытащили, исправник посадил его в свой тарантас и мы карьером пустились на Нижнедевицк. Когда мы выехали за село, где стоял резерв, помощник исправника скомандовал остановиться и оправиться. Казаки с сияющими лицами

спешили, собрались в кучку, закурили, делали по нашему адресу различные замечания; некоторые же подходили и спрашивали: «Ну, что во сне ничего не видели?» Пристав рассказал, иронизируя, что он в эту ночь видел сон, будто в Турове арестовал трех и нашел много оружия и бомб.

В Нижнедевицке исправник произвел допрос и, согласно 21 ст., отправил нас в тюрьму. Через неделю нас отправили в воронежскую губернскую тюрьму. В воронежской тюрьме начальником был Дикарев; его фамилия вполне соответствовала той дикой расправе, которой он подвергал политических заключенных. В тюрьме царила анархия, заправилами там являлись «Иваны» — воротилы уголовные, которых Дикарев вооружал (и без того вооруженных) против крестьян-политических. Политическая интеллигенция была изолирована, она содержалась в отдельном корпусе; крестьян же сажали между уголовными. Уголовные всячески издевались над крестьянами, называя их «грачами, лопатическими», отбирали буквально все — вплоть до нижнего белья, кухня вся шла за ними, передаваемые с воли продукты отбирались, по имеющимся на деньги квитанциям заставляли делать для себя выписки; насиловали (педерастия), потом на таковых плевали и считали, что такого нужно избивать; били только из-за того, что «шлепается» по щекам хорошо, или из-за того, что от удара смешно падает. Кто возражал против них, того избивали до полусмерти и даже до смерти.

Бывали случаи, когда по неопытности некоторые из крестьян жаловались начальнику; но Дикарев на это отвечал лишь: «А вы бы лучше не попадали в тюрьму». Устраивались провокационные обструкции. Опишу один из многих случаев. После проверки, часов в 9, камера № 36 начала стучать в двери и кричать в волчок: «Поддержите,

товарищи, в карцер берут ни за что!» Как гром загудела вся тюрьма и не унялась до тех пор, пока не пришел караул и не наставил дул винтовок в волчки. После оказалось, что в этой камере один проигрался в карты, вплоть до нижнего белья и стал требовать, чтобы ему сейчас же выдали белье. А мы его поддерживали, и за это нас на две недели оставили без свиданий и прогулок.

Находясь на воле, до тюрьмы мы представляли себе, что в тюрьме сидят лишь одни страдальцы, что причиной этих страданий является существующий государственный строй, и что отношения заключенных как уголовных, так и политических, должны быть товарищеские.

Дмитрий Леонтьевич Лопатин не выдержал этих ужасных зрелищ и покончил с собой. Укрывшись ночью одеялом он перерезал себе куском жести правую сонную артерию. Утром, когда нас разбудили на поверку, у его кровати на полу увидели лужу крови. Дикарев и тут хотел создать провокацию: он распустил слух, что Лопатина убили его политические товарищи, так как он якобы хотел их выдать.

После нашего ареста руководство организацией ослабело, но злоба к существующему строю усилилась. Организация мстила всем предателям и провокаторам. Сочувствие крестьян росло быстрым темпом. Прием новых членов в организацию очень усилился; к первому октября было уже 200 членов. Собрания членов уже невозможно было проводить так конспиративно, как раньше. Сборы на оружие производились очень успешно: в виду терроризирования населения, жертвовали не только сочувствующие, но и противники революции — кулаки, торговцы и богатые крестьяне; суммы единоличных пожертвований доходили до 50 руб. Все сборы исправно отправлялись в губерн-

ский комитет, который расходовал их на оружие и литературу. Организован был нелегальный «Красный Крест» для помощи политическим заключенным и административно-высланным. Была разгромлена и уничтожена дача-пасека священника Василия Петрова за то, что он при исповеди пытался у крестьян, не идут ли они против царя и правительства; предварительно у него в доме были выбиты кирпичами окна.

Собственный дом урядника Львова был облит керосином и подожжен. Дом этот находился около пожарного депо, но пожарная дружина отказалась тушить, и только незначительная часть дружины принялась тушить — и то для того, чтобы пожар не распространился дальше.

В пяти верстах от Турова было имение помещика Русанова. Сам помещик, старик лет 70 жил одиноко. У него служила сначала горничной наша туровская девушка, свояченица члена организации Петра Терентьевича Казарцева. Этот помещик во время аграрного движения в 1904—1905 г. имел отряд казаков для охраны своего имения. Эта свояченица, будучи уже женой Русанова, сообщила Казарцеву, что у ее мужа имеется 40 револьверов и другое оружие, а также 80.000 рублей, которые он получил за проданный им лес и которые он вскоре хотел отправить в банк; она предложила все это взять для революции.

Наша организация сообщила об этом губернскому комитету и просила командировать для экспроприации членов боевой дружины. Губернский комитет категорически отказал в этом, мотивируя свой отказ тем, что частная собственность, согласно программе П. С.-Р., неприкосновенна. Помимо того, он предостерегал, что предложение жены Русанова может оказаться провокацией. Организация все это тщательно проверила. Дарья Колта-

нова родилась в селе Турове, в бедном крестьянском семействе; с самых малых лет она ходила на заработки; служила у помещика Русанова сперва чернорабочей прислужкой, долголетней службой добилась положения горничной, а так как он был одинокий и старый, то, как водится, стала его женой. Имея родственников в селе Турове, она не порвала связи с крестьянством и ощущала ненормальность своего положения.

Однажды в село Турово приехал член губернского комитета, крестьянин села Кочетовки и член Кочетовского крестьянского братства, Яков Антонович Мещеряков. На общем собрании он посоветовал произвести экспроприацию у помещика Русанова без директив губернского комитета.

15 декабря 1907 г. 15 членов организации отправились в имение Русанова. По дороге их застала мятежь, они сбились с пути и им пришлось вернуться назад. 24 декабря снова приезжает Мещеряков с членом Кочетовского крестьянского братства, Вавилом Соломахиным. Последний принял участие в экспроприации, а Мещеряков отправился в Воронеж. В ночь на 25 декабря, оцепив дом и приставив охрану к рабочим, которых было 16 человек, экспроприаторы проникли в дом к Русанову без всяких помех. Он стал стрелять из браунинга и одного из товарищей ранил в руку. Тогда экспроприаторы вынуждены были его пристрелить. Взяв после этого, что нужно, они отправились по домам. Часа через два в имении Русанова рабочими был подожжен стог соломы; это был условный сигнал для ближайших помещиков, которые, в свою очередь, зажгли зарево, и таким образом было сообщено в Землянк и Нижнедевицк. Вся власть последних была поднята на ноги. Турово было объявлено на осадном положении, никто не мог ни выехать, ни приехать. Прибыли казаки и

стражники. Пошли аресты: задержали всех проходивших по улицам мужиков, кто имел хоть какую-нибудь связь с помещиком; т.-е. жил у него в работах, работал на поденщине, покупал или арендовал землю; всего было арестовано человек 400. Все работники и прислуга в имении также были арестованы. Кто-то из прислуги, находившейся в доме во время акта, слышал, что жена помещика называла по имени кого-то из нападавших; это и было началом нити по раскрытию нападения. Под влиянием пыток она указала, кого знала, — выдала и свояка. Раненого Алексея Новичихина и других охрана задержала на пути в Кочетовку. Один из участников нападения, скрывшийся при аресте, Афанасий Васильевич Рубцов, надеясь смягчить свою участь, сам явился к нижедевицкому исправнику и рассказал ему, что участвовал в убийстве Русанова.

Когда всех участников арестовали, их отправили в землянскую уездную тюрьму; остальных, арестованных при волости, освободили. На пятый день на место убийства и в Турово приехал вице-губернатор и на сходе произнес речь о том, что все участники в нападении на Русанова будут повешены в Турове на площади, и что крамола в Турове будет уничтожена с корнем, убеждал крестьян выдать всех крамольников, ничего не боясь, ибо Россия в своей истории и не с такой крамолой справлялась. Действительно, приезд вице-губернатора поднял дух у контр-революционеров, они вылезли из замкнутого положения и начали действовать во всю. Особенно отличался в это время своей контр-революционной деятельностью старшина Михаил Васильевич Анохин. Как знаток жителей Турова и всех тайных путей и уголков, он, переодевшись в форму стражника, — со стражниками и казаками устраивал облавы на скрывав-

шихся членов Крестьянского братства. В этом «святом деле», по их выражению, энергично помогали староста Гребеньщиков и кулак Филипп Егорович Трофимов.

Арестованных товарищей, прежде чем посадить в тюрьму землянская полиция заперла в холодный пожарный сарай и поручила стражникам и казакам подвергать их пыткам: каждого в отдельности заставляли рассказывать, как он убивал помещика Русанова, кто состоит в организации, кто главари, чем занималась организация, у кого в ригах устраивались собрания, где хранится оружие и пр.

Когда они отказывались говорить, давали холодной залп, после чего опять заставляли говорить. Потом разували их и велели стоять на мерзлой земле, дергали усы, острыми концами шомполов тыкали в ноздри; тут же у костра около пожарного сарая раскаляли железо и прикладывали к рукам, ногам и лицу. Стражники и казаки, щеголяя один пред другим в изобретательности с задором говорили: «Эх, ты! не можешь заставить его говорить, вот послушай, как он мне расскажет», и начинали применять свои пытки. Всех приемов пыток описать нельзя. Некоторые товарищи пытались говорить, искажая действительность; но это замечали и еще сильнее нападали. Более малодушные при пытках рассказывали все, других заставляли это подтверждать или повторять. Так, в течение двух недель их выводили из тюрьмы шесть раз в пожарный сарай и там часа по три и таким образом пытали. И эти истязания проделывали люди, веровавшие в бога, — православные христиане...

Под влиянием пыток многие из членов организации были выданы. Пошли массовые аресты.

Было отдано распоряжение — суд по русановскому делу назначить экстренно в Турове и тут же привести в исполнение приговор. Уже начались, было, приготовления (намечены были помещение для суда и место для казни), как пришло новое распоряжение от губернатора, что местом для суда и казни должны быть г. Землянск, а жителям Турова объявить, что желающие могут при этом присутствовать.

Всех было привлечено по русановскому делу 28 человек, из них 5 скрылось; всем была предъявлена 279 ст., грозящая смертной казнью через повешение. Следствие по этому делу производилось наскоро и почти без всяких формальностей. Небезынтересно отметить, что начальник воронежской тюрьмы Дикарев ходил по камерам и торжественно говорил, что туровские крестьяне убили «беззащитного старика, помещика Русанова» и что за это они будут повешены. Когда он подошел к камере, в которой сидело трое нас, туровских, и спросил: «что, есть тут туровские?» и ему ответили утвердительно, он рассказал, что «вашиими товарищами зверски убит безвинный старик, помещик Русанов, и за это их и вас вызовут в Турово и там на площади повесят». На это ему возразил сидевший тут воронежский ж.-д. рабочий Максим Колодяжный: «А мы вас скоро повесим на горьких осинах». Дикарев показывая из кармана браунинг ответил: «Нет, меня не повесите: у меня вот что есть, я не допущу до того, чтобы вы грязными руками ко мне прикоснулись». Предсказание товарища Колодяжного сбылось, и хоть не повесили Дикарева на «горьких осинах», но в июне этого года начальника вместе с помощниками судил воронежский губсуд за издевательство, в свое время, над политическими заключенными.

28 февраля 1908 г. в г. Землянск выехал Московский военно-окружной суд и вскоре приговорил 9 человек к смертной казни через повешение, 7 — к бессрочной каторге и 7 — на разные сроки в каторгу; через двое суток приговор был приведен в исполнение. Повешены были следующие товарищи: Подняков, Николай Федорович; Казарцев, Петр Терентьевич; Колтаков, Стефан Егорович; Новичихин, Ларион Иванович; Шматов, Антон Васильевич; Колтаков, Тихон Иванович; Новичихин, Андрей Петрович; Новичихин, Алексей Герасимович и Соломахин, Вавила — крестьянин села Кочетовки. Бессрочную каторгу получили Шматов, Герасим Егорович; Новичихин, Василий Петрович; Новичихин, Михаил Иванович; Колтаков, Яков Григорьевич; Панин, Сергей Сергеевич; Панин, Данил Михайлович и Колтаков, Тимофей Федорович. Срочную каторгу: Колтаков, Иван Семенович — 15 лет; Новичихин, Михаил Иванович — 8 лет; Рыкунов, Василий — 8 лет; Колтаков, Аким Елисеевич — 8 лет; Сопов, Яков — 6 лет; Рубцов, Егор — 6 лет и Рубцов, Афанасий Васильевич — 15 лет.

После этого процесса в Турове сразу водворился старый порядок; на сходах опять стали вершителями кулаки-миroeды, вся власть была переизбрана, борьба с попами прекратилась, два церковных ктитора были арестованы и сидели уже в воронежской тюрьме, попы снова брали заобы, сколько хотели, одним словом, реакция восторжествовала в полном смысле. Но их торжество было недолгое; контр-революционеры сначала думали, что если в Турове с революцией так быстро расправились, то так — и по всей России. Однако, дальнейшие события заставили несознательных реакционеров призадуматься. Они стали прислушиваться к официальным газетным сообщениям и

увидели, что в России творится что-то неладное. Бывало ранее, приезжая в город, такой реакционер как-будто и не замечал тюрьмы. А теперь смотрел на нее и думал: «Вот тут сидит Касачев и т. п. Прочно ли они запакованы? Ведь повесили только девятерых, а тут еще живых наших туровских 150 человек, да говорят кочетовских еще больше. Говорили всех этих «революционеров» прямо на какую-то терку живых бросали и она их перетирала, но, вот, уж год скоро будет, а они еще живые сидят вот тут, что же дальше с ними будет? А, ну, как выпустят, или сами убегут?» Ходили слухи, что из какой-то тюрьмы заключенные разбежались, развалили тюрьму, побили начальство и т. д. И эти «контрики» переходили на путь нейтралитета, а некоторые «исподтишка» даже стали заискивать у родных арестованных. Многие из тех, которые прежде доносили и клеветали на следствии у урядника и пристава, впоследствии, когда приехал следователь, от показаний отказывались: «Я ничего не знаю и никому ничего не говорил», — заявляли они.

Большая часть активных работников Туровского братства сидела уже в тюрьме. Воронежская губернская тюрьма была переполнена политиками-крестьянами. В каждый этапный день прибывало из уездных тюрем человек по 100 и столько же почти уходило в административную ссылку. Начальник Дикарев и его помощник Букинич продолжали творить произвол. Но отношения между уголовными и политиками-крестьянами дальше не могли оставаться таковыми, ибо крестьяне составляли уже большинство и они решили дать отпор уголовным «Иванам». Дикарев от своих шпионов узнал об этом и сразу же перевел крестьян от уголовных в отдельный корпус, в так назыв. «крестьянский коридор». Камеры стали закрываться и

на день; в камерах размером в $5\frac{1}{3} \times 5\frac{1}{3}$ метра сидело по 26 человек. Режим, по существу, усилился, но крестьяне почувствовали себя лучше: передачей от родных они пользовались сами, никто им не мешал вести беседы на политические темы и пр. Был уже один политический староста, который заведывал выпиской. Издевательства уголовных над крестьянами прекратились, только еще в пересыльном отделении господствовал старый порядок. Завязывалась конспиративная переписка с политическими женщинами и интеллигенцией; месяцев пять издавался даже журнал «Тюремный вестник». Хотя и редко и с большим трудом, но все же получали с воли газеты, понятно за эти газеты расплачивались очень дорогой ценой: частыми экстренными обысками, карцерами, лишением прогулки, свиданий с родными и т. п. Была попытка организовать отдельный политический котел, в который хотели добавлять свои средства, но этого тюремная администрация не допустила.

Когда в воронежскую тюрьму прибыли наши туровские крестьяне по Рusanовскому делу, приговоренные к бессрочной и срочной каторге, при распределении помощи «Красного Креста» между политическими заключенными встал вопрос, считать ли их политическими или уголовными. Политическое бюро, находившееся на так называемом «политическом коридоре», где размещалась политическая интеллигенция, причислило их к уголовным и хотело лишить их помощи, хотя последняя выражалась в фунте сахару в месяц; но по протесту политических крестьян они наделялись, как и другие политические. Однако, большинство глядело на них, как на уголовных, деморализующих организацию. Тюремная же администрация относилась к ним двояко: когда необходимо

было дать какую-либо привилегию политическим, она считала их уголовными, а когда на политических делался нажим — политическими.

Считаю уместным сказать здесь несколько слов об отношении политических крестьян к политической интеллигенции в целом. На воле, до тюрьмы, когда представители бывали в крестьянских организациях только наездом, крестьяне были им преданы до смерти и считали их идеальнейшими руководителями, а при совместной близкой работе или сожительстве в большинстве случаев расходились почти во всех отношениях. В тюрьме же эти расходжения стали еще резче. Причин для этого было очень много, но в общем они сводились к взаимному непониманию. Вот один пример:

Сидевшие в тюрьме крестьяне почти все были женаты и имели детей. Большая часть из них была бедняками, не получавшими никакой помощи ни для себя ни для семейств. Они в тюрьме ужасно бедствовали, жили исключительно на «баланде». Иногда на свидании жена спрашивала мужа: «Может, ты тут умираешь с голоду, так я продам теленка и тебе передам деньжонок». Он отвечал на это: «Не нужно. Лишь бы дети не померли там с голоду, а я тут не подохну». Для успокоения жены и детей говорил даже, что в тюрьме хорошо кормят. Слыша рядом эти слова, интеллигентная молодежь приписывала это хитрой мелко-буржуазной крестьянской психологии «сбергать». В тюрьме ходила молва, что крестьяне наказывают своим домашним, чтобы они не посылали сюда денег, якобы надеясь что то, что другие принимают — все равно будут коммунально потреблять. Из-за этого некоторые крестьяне отказывались от коммунального потребления и жили на одной тюремной баланде. Тут нужно было понять, что жена, предлагая продать теленка и отдать деньги в

тюремную контору, делала это лишь под влиянием жалости к мужу, а что этому теленку — двадцать мест: детишки разутые, раздетые и много-много других нужд. Муж все это великолепно знал и не только, что оттуда взять, но оторвал бы от себя, если бы было что-либо, и послал.

С другой стороны, некоторые крестьяне сидели с интеллигенцией и видели, что им помощь с воли идет большая — одежда, обувь, белье, постель, даже новые калоши, которые совершенно здесь не нужны были.

Помимо того, солидарность среди интеллигенции была крепче, да и администрация к ней относилась иначе. Вот эта «мелочь», как называли это некоторые интеллигенты, и создавала антитоварищеские отношения. Разумеется были причины и более глубокие.

Арестованные туровские крестьяне были разбиты на четыре процесса; все судились Московским военно-окружным судом по 102 ст., 2 части: по этой статье полагалось от 8 до 16 лет каторги. Один из этих процессов, в котором судился и я, постараюсь описать.

Обвинительные акты были получены 10 июня 1909 г.; они представляли собою целый том в 204 страницы писчего листа, написанные на пишущей машинке. Всего в этом процессе было 97 обвиняемых; кроме туровских, сюда были еще присоединены, как имеющие связь, из других уездов Воронежской губернии.

Суд был назначен на 28 июня в Воронеже, в здании окружного суда. В качестве свидетелей обвинения были привлечены на суд, кроме допрошенных следователями, и те, которые показывали или доносили уряднику и приставу, но следователям отказывались показывать. Свидетели же со стороны защиты не принимались. 27 июня тюремная

администрация выдала всем обвиняемым арестантское обмундирование, от которого мы отказались. 28 в 9 часов утра нас под усиленным конвоем направили к зданию суда; по обеим сторонам улицы шпалерами стояли пешая и конная полиция, стражники, казаки и часть войск. На каждом переулке нас встречала толпа народа, которую казаки беспощадно разгоняли, — дело доходило до нагаек. В зал суда допускались, как сказано, только свидетели со стороны обвинения, но по особому ходатайству защиты были допущены некоторые родственники обвиняемых. Свидетелей со стороны обвинения было 367 человек, большая часть которых состояла из исправников, приставов, урядников, жандармов, попов и стражников. Присягу давал хохольский поп (он же и свидетель). Первые два дня читался обвинительный акт; читал его сам председатель, генерал Дубле, при чтении иронизировал, высмеивал действия революционеров, делал гримасы. Прокурором тоже был генерал; он в своей речи наговорил так много, что смертная казнь через повешение казалась наказанием недостаточным. Вопрос, «признаете ли себя виновным» задавался по списку. Большинство отвечало, что виновными себя не признают, только часть совершенно отказалась отвечать на вопросы.

Свидетели обвинения, как видно было, подготовились давать показания: так один исправник записал показания, положил их в фуражку и во время допроса пытался незаметным образом посмотреть написанное, но защитник Кобыков заметил это и открыл суду. Все старались обвинить как можно суровее. Принимались во внимание даже слухи, неизвестно от кого происходившие. Один из попов сказал, что явным признаком существования противоправительственной организации в селе является уменьшение церковных доходов, и после

этого председатель суда задавал следующим свидетелям-попам вопрос: «Что у вас доходы против прежнего уменьшились?», на что почти все отвечали, что уменьшились. Председатель кивал головой в знак согласия. Показания свидетелей крестьян были очень однообразны: «Говорили они (т.-е. обвиняемые) — царя не надо, не платить податей, отобрать землю у помещиков»... Когда, по всей вероятности, наскучило слушать одно и то же, председатель задал вопрос яблоченскому крестьянину: «Почему они хотят отобрать землю у помещиков, а не ты и не все ваши крестьяне?» Тот замялся и председатель продолжал: «Ты — крестьянин, пашешь землю?» — «Так точно, ваше превосходительство». — «Тебе нужна земля?» Крестьянин этот после долгого молчания ответил: «Никак нет, ваше пр-ство»...

Экспертиза почерков была никуда негодная. Так, экспертиза признала, что протокол коротоякского уездного съезда крестьянских братств написан рукой крестьянина с. Истобного, Молодых, Василия, тогда как этот протокол был написан крестьянином Савелием Петровичем Биндюковым (последний сказал об этом защитнику). Защитник попросил суд удалить на некоторое время экспертов, чтобы дать возможность Биндюкову и Молодых тут же на суде написать одно и то же. Когда рукописи были переданы экспертам, они показали, что это написано одной рукой.

Суд продолжался 18 дней. Через неделю в тюрьме был прочитан приговор, и в этот же день нас, каторжан, заковали в кандалы, которых у большинства не снимали до окончания срока каторги, т.-е. в течение 4—6 лет. Какое отвратительное, потрясающее душу ощущение от этих кандалов! Думается, что закованы не одни ноги и руки, а все чувства человеческие. К человеческому организму

прибавили что-то нечеловеческое, от которого он не может ни на секунду избавиться. И человек с этим железом должен слиться, составить одно целое. В холод я должен их согревать (а в тюрьме почти всегда стоит сырой холод); так же, как в отношении каждого отдельного члена своего организма, я должен соблюдать и в отношении кандалов гигиену, в противном случае, загрязнятся они — заразится организм, ибо эти девять фунтов железа есть часть моего тела...

Некоторые, пережившие каторгу, были переброшены на вечное жительство в Сибирь, где населения мало, а ссыльных на каждый двор приходится по 2—3 человека, работы нет. Тут тоже много погибло.

Наконец, рухнуло самодержавие. На этом я и кончаю свое повествование, ибо всем политическим была дана свобода, хотя каторжане по Русановскому делу получили и ее не сразу: опять стали разбирать, политическими или уголовными считать, и лишь через 10 дней они были выпущены, наконец, на свободу.

Туровские крестьяне при борьбе с самодержавием потеряли из своих рядов девять повешенных и двадцать шесть замученных в тюрьме, каторге и ссылке. Это — все крестьяне от сохи, чувствовавшие гнет самодержавного строя и одни из первых выступившие на борьбу. Их мирозерцание не укладывалось в рамки какой-либо партийной программы. Они боролись за то, без чего не может жить ни один человек. Они — тоже участники в строительстве светлого будущего, и «знамя великой борьбы всех народов» они гордо несли до самой смерти. Эти маленькие революционеры ручейками влились в великую реку Великой Русской Революции.

Революционные гимны глубоко врезывались в их душу, и они всегда повторяли: «Пусть нас по тюрьмам сажают, пусть нас пытаются огнем, пусть в рудники нас ссылают, пусть мы все казни пройдем... Если ж погибнуть придется в тюрьмах и шахтах сырых, дело всегда отзовется на поколениях живых»...